
ВОПРОС О ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ ФРАНЦИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ШВЕЦИЕЙ В КОНЦЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Л. А. НИКИФОРОВ

Вопрос о значении и роли французского посредничества в конце Северной войны при заключении Ништадтского мира заслуживает серьезного изучения, тем более, что в исторической литературе об этом говорится очень мало и зачастую неправильно.

О существовании миссии Кампредона в Россию в начале 1721 г. говорится либо мимоходом, либо ей придается несоразмерно большое значение. Так, С. М. Соловьев писал, что французский министр Кампредон приехал в феврале 1721 г. в Петербург «скрепить дружбу между Россией и Францией и содействовать примирению России с Швецией»¹.

В действительности же главная цель Кампредона состояла вовсе не в том, чтобы скрепить дружбу между Россией и Францией. Об этом ни слова не было в его инструкциях. Его задача состояла в том, чтобы попытаться смягчить условия мира для Швеции, действовать в ее интересах.

О «большой услуге», оказанной Францией Петру I посредничеством на севере пишет Рамбо². Известный английский историк международных отношений Моват заявляет, будто Кампредон действовал в качестве посредника при заключении мира в Ништадте³. Об этом же говорит и современный американский историк Пенфилд Робертс⁴.

«Услуги посредничества предлагали не только английский король, но и регент Франции и венский двор. Было принято посредничество Франции»,— говорится в I томе «Истории дипломатии»⁵. Б. Ф. Поршнев пишет о роли Франции в спасении Швеции от полного разгрома «пристрастным» посредничеством при заключении Ништадтского мира 1721 г.⁶ Все это, однако, неточно. Ниже мы постараемся показать действительную роль французского посредничества в заключении мира, закончившего Северную войну.

* * *

Изучение документов, хранящихся в наших архивах, показывает, что решение начать переговоры о мире в Ништадте было принято правительствами России и Швеции в последние месяцы 1720 г. в результате прямого обмена мнениями, без участия какой-либо третьей стороны⁷.

---

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, СПб., Изд. «Общественная польза», кн. IV, стб. 600.

² Histoire Generale du IV siècle a nos jours. Sous la direction E. Lavisse et A. Rambaud. Tome VII, Le XVIII siècle. 1715—1788, Paris, 1896, s. 87.

³ R. B. Mowat. History of European diplomacy 1451—1789. London, 1928, стр. 199.

⁴ Penfield Roberts. The Quest for Security 1715—1740. N.-Y.—London, 1947, стр. 32.

⁵ «История дипломатии», т. I, М., 1941, стр. 270.

⁶ Б. Ф. Поршнев. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII вв. «Записки АОН», вып. II, «Вопросы всеобщей истории», М., 1948, стр. 24.

⁷ Осенью 1720 г. в Стокгольме побывал русский представитель Александр Румянцеv, имевший полномочие вести переговоры о перемирии (АВПР, Сношения России со Швецией, 1720, д. 1, л. 12; там же, д. 9, лл. 1—17; д. 3, л. 3; С. G. Malmström. Sveriges Politiska historia 1718—1772, t. I, Stokholm, 1855, стр. 154—155). Шведы через него предложили начать в Або прямые переговоры без участия посредников о заключении мира (АВПР, Сношения России со Швецией, 1720, д. 9, лл. 6—7). После обсуждения этого предложения в Петербурге в Швецию был отправлен русский курьер

К осени 1720 г. рухнули все надежды шведского правительства на возвращение вооруженной рукой провинций, потерянных в ходе войны. Русское же правительство, и это широко известно, по существу на протяжении всей второй половины Северной войны упорно стремилось к миру на условиях сохранения за Россией ее завоеваний, за исключением Финляндии.

Как же обстояло дело в этих условиях с французским посредничеством в конце Северной войны и каковы роль и значение миссии Кампредона?

Следует напомнить, что вопрос о французском посредничестве между Россией и Швецией имеет длительную историю и восходит, по крайней мере, к Амстердамскому договору 1717 г.

Россия и Франция были связаны с 1717 г. заключенным в Амстердаме союзным оборонительным договором. Третьим участником этого договора была Пруссия. По секретной статье Амстердамского договора Франция принимала на себя посредничество в заключении мира на Севере, а также обязалась не возобновлять франко-шведский союзный договор, срок которого истекал в апреле 1718 г., и не оказывать после этого помощи Швеции ни вооруженными силами, ни денежными субсидиями. Взяв на себя обязательство гарантировать России и Пруссии договоры, которые они заключат после Северной войны, Франция тем самым гарантировала России и все те территориальные приобретения, которые русскому правительству удалось бы закрепить за собой по миру с Швецией⁸.

Амстердамский договор 1717 г. в основном остался на бумаге. Видимо, в связи с этим некоторые историки называют его «нарочито бессодержательным», другие «бесцветным», а третьи даже заявляют, будто это был простой обмен вежливостями⁹.

Однако полностью отрицать значение договора 1717 г. нельзя. Следует учитывать, что провозглашенное этим договором заключение Францией союза с Россией, хотя бы и половинчатого, а также отказ французского правительства от союза с Швецией не могли не оказать влияния на позицию Карла XII и, несомненно, сказались на принятии последним решения начать непосредственные переговоры с Россией на Аландском конгрессе¹⁰.

Позднее выяснилось, что договор 1717 г. не оправдал тех надежд, которые русское правительство возлагало на союз с Францией. Однако дело здесь заключалось не в «нарочито бессодержательности» договора, а в том, что, как справедливо отмечает современный французский историк, регент Франции Филипп Орлеанский и руководитель французского ведомства иностранных дел Дюбуа «выравнивали» в эти годы внешнюю политику Франции в соответствии с политикой Англии, с которой французское правительство было связано так называемым Тройственным договором¹¹. Все это резко расходилось с обязательствами Франции по Амстердамскому договору, и французская политика оказалась на деле в значительной мере враждебной интересам России.

Позиция Франции приобрела для России особо отрицательное значение после гибели Карла XII, когда французское влияние сыграло, быть может, даже решающую роль в определении ориентации нового шведского правительства на заключение мира в первую очередь с Англией и Ганновером. Такая ориентация означала не только затяжку войны Швеции против России, но и попытку лишения России ее приобретений на Балтике, преграждения ей выхода к морю.

В соответствии с условиями Амстердамского договора Франция действительно не возобновляла союзный договор с Швецией, срок которого истек в апреле 1718 г., однако

Мешерский с грамотой, в которой предлагалось избрать местом для переговоров Раумо или Ништадт (там же, д. 1, лл. 14—15). Последний пункт и был избран шведским правительством в качестве места будущего конгресса (там же, д. 9, лл. 5—6).

⁸ «Сб. РИО», т. 34, стр. XXVI—XXXII.

⁹ Е. В. Тарле. Русский флот и внешняя политика Петра I, М., 1949, стр. 70; Penfield Roberts. Указ. соч., стр. 26; Droz J. Histoire diplomatique 1648—1919, Paris, 1952, стр. 72.

¹⁰ Не случайно в Англии испытывали большую тревогу в связи с визитом Петра I в Париж и франко-русскими переговорами, которые привели к заключению Амстердамского договора (Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 68).

¹¹ J. Droz. Указ. соч., стр. 72.

ь нарушение Амстердамского договора она продолжала оказывать Швеции материальную поддержку, тем самым способствуя затягиванию Северной войны¹².

Как выясняется из инструкции французскому послу в Швеции графу де ла Марку, французское правительство, опасаясь вызвать неудовольствие Англии, не решилось в это время выполнить просьбу шведского правительства помочь ему завязать переговоры с Россией о заключении сепаратного мира¹³. Одновременно французская дипломатия в ущерб интересам России оказывала всяческое содействие достижению соглашения между Швецией и Англией, на что указывает видный французский историк Жеффруа¹⁴.

Французское правительство в 1719—1720 гг. не только активно содействовало заключению Швецией договоров с Ганновером, Англией, Пруссией и Данией, но оно также помогло добиться заключения договоров между Пруссией и Ганновером и Пруссией и Англией, означавших выход Пруссии из Северного союза и важный шаг к изоляции России¹⁵.

Новейший французский историк Дроз, отмечая роль французского правительства в заключении договоров на Севере, указывает, что английская дипломатия для достижения своих целей нуждалась в поддержке со стороны Франции и французская дипломатия оказала такую поддержку, употребив свое влияние и значительные суммы денег. Говоря о серии договоров, заключенных Швецией в 1719—1720 гг. с Ганновером, Англией, Пруссией и Данией, Дроз пишет: «Эти договоры, составляющие то, что обычно называется умиротворением на Севере, достигнуты благодаря Франции, но без какой-либо выгоды для нее». Дроз говорит при этом о подчинении Франции английской политике в эти годы¹⁶.

Другой новейший исследователь, Пэнфилд Робертс, говоря о внешней политике регента и Дюбуа, отмечает, что «даже современные французские историки... не простили Дюбуа союз с Англией, так как он уменьшил престиж Франции...»¹⁷.

Едва ли политика отказа от союза с Россией отвечала подлинным национальным интересам Франции. И если можно допустить, что интересы влиятельных французских кругов (прежде всего интересы регента Франции Филиппа Орлеанского и его окружения) диктовали французскому правительству сохранение установившихся союзных отношений с Англией, то несомненно, что на севере и востоке Европы эта политика наносила ущерб французским интересам.

Франция отвергала союз с Россией, военное и политическое значение и влияние которой стали в эти годы огромными и продолжали возрастать. Вместе с тем Франция, проводя эту политику, лишь содействовала дальнейшему ослаблению своего традиционного союзника — Швеции. Одновременно французское правительство лишило себя возможности опереться на союз с Россией и Швецией, реальные перспективы которого вырисовывались уже с середины 1718 г. Участником этого союза могла бы явиться также и Пруссия, связанная Амстердамским договором с Россией и Францией.

Французское правительство никогда не заявляло о своем отказе от Амстердамского договора, однако вся его политика в последние годы Северной войны, и в особенности в 1719—1720 гг., была нарушением этого договора. Естественно поэтому, что теперь, в 1719—1720 гг., русское правительство, которому было известно о нелояльной политике Франции, с большой осторожностью относилось к вопросу о французском посредничестве для примирения России и Швеции. В России теперь не доверяли посредничеству любой

¹² Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution Française, t. II. Paris, 1891, стр. 301; J. Pignone. Les grands courants de l'histoire Universelle, t. III, Paris, 1948, стр. 198.

¹³ Recueil des instructions..., т. II, стр. 279—280.

¹⁴ Там же, стр. LXXXVII—LXXXVIII.

¹⁵ Усилия французской дипломатии примирить Швецию с ее европейскими противниками, с тем чтобы Россия, оставшись одинокой, не могла рассчитывать на поддержку какой-либо европейской державы, отмечены в известной работе П. В. Безобразова (П. В. Безобразов, О сношениях России с Францией, М., 1892, стр. 54). О поддержке французским правительством через своего представителя Кампредона деятельности англичан в Швеции говорит и немецкий историк Михаэль, автор капитальной «Истории Англии в XVIII веке» (W. Michael. Englische Geschichte in achtzehen Jahrhunderte, Bd. II, Th. I, Berlin und Leipzig, 1920, стр. 542).

¹⁶ J. Droz. Указ. соч., стр. 83.

¹⁷ Penfield Roberts. Указ. соч., стр. 35.

страны, предпочитая прямые переговоры с шведским правительством. Однако учитывая сложную международную обстановку, свое нежелание принять посредничество проявлял косвенно, выдвигая различные предварительные условия. В конце 1719 г. русское правительство, не отказываясь принять французское посредничество, настаивало, чтобы регент предварительно дал письменное заверение, что, выступая в роли посредника, он будет проявлять полное беспристрастие и что он не имеет обязательств, которые противоречили бы этой роли.

Однако регент упорно обходил вопрос о такой письменной декларации.

Беседа о посредничестве Франции возобновлялась много раз, и Дюбуа, а также сам регент Франции постоянно заверяли русского посланника, что ничего противоречащего роли посредника регент на себя не принял. Нежелание дать письменное заверение (декларацию) регент и Дюбуа объясняли тем, что такой документ возбудил бы подозрения Швеции, Англии и т. д., будто французское правительство действует в пользу России. В конце 1720 г. французское правительство для осуществления посреднических функций решило направить в Петербург своего резидента в Швеции Кампредона. Это решение французского правительства не было самостоятельным, оно было принято по настоянию Англии. Английское правительство, окончательно утратившее к этому времени надежду на образование коалиции против России, крайне опасалось заключения союза между Россией и Австрией с целью поддержки герцога голштинского и его притязаний на шведский престол. В связи с этим английские представители в Стокгольме считали, что опасность для Швеции очень велика, настаивали на том, чтобы французский резидент в Стокгольме Кампредон был срочно направлен в Петербург, с тем чтобы попытаться завязать переговоры¹⁸.

Убеждая шведское правительство поспешить без колебаний заключить мир с Россией, английские представители пугали его возможностью соглашения между Россией и австрийским императором в пользу герцога голштинского, и, советуя попытаться завязать при французском посредничестве переговоры о перемирии с заключением прелиминарного договора, заявляли, что английское правительство будет радо успеху этих переговоров, даже если они будут проходить без его посредничества¹⁹.

Сообщение о возможном союзе России, Австрии, а также, возможно, Пруссии и Польши в защиту прав герцога голштинского обсуждалось шведским правительством 10 октября 1720 г. Несмотря на возражения короля Фредрика, было единогласно решено незамедлительно добиваться мира с Россией²⁰. Принимая это решение, шведское правительство учитывало финансовый крах в Англии и невозможность для Швеции с надеждой на успех вести наступательную войну против России, в то время как оборонительная война, по общему мнению, могла лишь окончательно истощить Швецию.

Одновременно обсуждалась английская рекомендация — направить в Россию Кампредона. Несмотря на некоторые сомнения относительно позиции Франции (подозревали, что она добивается союза с Россией), было все же решено просить Кампредона ехать в Петербург для заключения длительного перемирия сроком на 1—2 года, или — что еще лучше — прелиминарного мирного договора²¹. Однако Кампредон был французским резидентом, и нужно было еще согласие французского правительства на то, чтобы он мог принять на себя это поручение. Кампредон сообщил обо всем этом в Париж, ожидая оттуда указаний — принимать ли ему поручение шведского правительства.

Тем временем английское правительство уже предприняло соответствующие шаги в Париже, чтобы побудить регента Франции дать указание Кампредону ехать в Россию. Лишь в начале 1721 г. было получено согласие французского правительства на поездку Кампредона.

6 января 1721 г. из Парижа были посланы инструкции Кампредону. Ему было приказано ехать в Петербург и в соответствии с желанием шведского правительства вести переговоры о мире между Россией и Швецией²². Кампредону предлагалось войти в доверие к русским министрам и постараться склонить царя на мир со Швецией, «возбуждая в нем надежду на заключение затем с Францией, Испанией, Швецией и даже

¹⁸ С. Malmström. Указ. соч., стр. 155.

¹⁹ «Сб. РИО», т. 40, стр. XXXIX.

²⁰ Там же; С. Malmström. Указ. соч., стр. 155—156.

²¹ С. Malmström. Указ. соч., стр. 157. «Сб. РИО», т. 40, стр. XXXIX.

²² «Сб. РИО», т. 40, стр. XLI.

с Англией союза, которого он, по-видимому, очень желает»²³. Действовать Кампредон мог либо в качестве представителя Франции, либо в качестве уполномоченного короля Швеции²⁴. При этом ему рекомендовалось не объяснять сразу, в качестве кого он действует. Он должен был сообщить шведскому королю, что Франция будет и после заключения мира выплачивать субсидии Швеции и что, как регент надеется, король английский, хотя бы в качестве курфюрста ганноверского, также будет оказывать Швеции помощь после заключения мира²⁵. В свою очередь король шведский должен «приложить особенное старание к тому, чтобы в течение переговоров расположить царя в пользу допущения короля великобританского к посредничеству или, по крайней мере, к гарантии условий, кои будут между ними постановлены, и не входить ни в какие сделки, которые могли бы быть противны достоинству и интересам короля английского» (подчеркнуто мной.— *Л. Н.*). В инструкции говорилось, что «тесный союз, существующий между Францией и Англией, не позволяет действовать иначе и что хотя главной целью является заключение мира между Россией и Швецией, однако «шведский король не должен упускать из виду того, что король великобританский вправе ожидать в этом случае от верного союзника»²⁶ (подчеркнуто мной.— *Л. Н.*).

Таким образом, французское правительство не только не было инициатором миссии Кампредона, но, как это видно из инструкции, подчиняло эту миссию и деятельность своего посланника, отправлявшегося в Россию, интересам Англии. При этом оно пыталось «манить» русское правительство перспективой заключения союза между Россией, Францией, Испанией, Швецией и Англией.

Это же стремление можно отчетливо проследить и в грамоте от 6 января 1721 г., с которой регент — герцог Орлеанский обратился к Петру I (вручить грамоту было поручено Кампредону). Регент писал, что он ревностнее всего желает «сочинить и утвердить во время нашего правительства союз тесной дружбы между королем и вами» (т. е. между Францией и Россией). Поэтому, продолжал регент, желательно устранить единственное препятствие на пути осуществления такого союза «к ползе и авантажу обеих монархий, которых интересы так совершенно сходны»²⁷. Этим препятствием, по словам регента, является война между Россией и Швецией.

Основная цель французского правительства, когда оно «манило» Россию перспективой союза с Францией, состояла в том, чтобы добиться смягчения условий мира для Швеции, заставить Россию пойти на уступки ради скорейшего заключения такого мира, который изображался как первый шаг на пути к франко-русскому союзу²⁸. В грамоте регента прямо говорилось, что если Россия заключит мир с Швецией, то французское правительство будет делать все для обеспечения русских интересов²⁹.

Французское правительство пыталось, таким образом, обмануть Россию. Однако на деле в конечном счете оно обманывало себя и Францию. Оно все еще не умело оценить значение союза с Россией для Франции, для ее борьбы за восстановление, сохранение и упрочение своего положения в Европе как великой державы. Это положение было подорвано в результате поражения в войне за «испанское наследство». Политика подчинения английским интересам, проводившаяся регентом и Дюбуа, не могла способствовать возрождению величия Франции. В сущности Франция была больше, чем Россия, заинтересована в союзе. События показывают, что России удалось блестяще разрешить свои внешнеполитические задачи, несмотря на отсутствие союза с Францией, в то время как Франция еще долго плелась в хвосте английской политики.

Когда Кампредон получил от французского правительства полномочия на поездку

²³ «Сб. РИО», т. 40, стр. XLVIII.

²⁴ Recueil des instructions..., t. I, Russie, стр. 216; «Сб. РИО», т. 40, стр. XLVIII—XLIX.

²⁵ «Сб. РИО», т. 40, стр. XLIX.

²⁶ «Сб. РИО», т. 40, стр. XLIX—L.

²⁷ АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 12, л. 2.

²⁸ Там же, л. 3.

²⁹ См. по этому поводу откровенные признания Дюбуа в письме Кампредону от 13 января 1721 г. (Recueil des instructions..., т. 1, стр. 219—220).

в Россию, в шведских правительственных кругах возникли сомнения — следует ли ему эту поездку предпринимать, так как вопрос относительно открытия прямых переговоров о заключении мира был уже согласован с русским правительством. При обсуждении в Государственном Совете влиятельный член Совета Арвид Хорн заявил, что послать Кампредона все же следует, поскольку это рекомендовали правительства Англии и Франции и, кроме того, Кампредон в качестве посредника может устранить многие затруднения и облегчить переговоры на конгрессе³⁰.

Сыграло свою роль и то обстоятельство, что Кампредон, как это было известно шведскому правительству, имел значительные суммы на подкуп русских министров. На эти цели французское правительство разрешало использовать огромную по тем временам сумму — от 60 до 80 тысяч риксдалеров. Кроме того, Дюбуа сообщал в письме Кампредону в январе 1721 г., что король английский готов дать такую же сумму для этих целей. Дюбуа писал, будто взятка — одно из главных, если не единственное средство воздействия при русском дворе³¹. Это была грубая ошибка. На деле взяткой в России невозможно было добиться ничего существенного во внешнеполитических делах, постоянно находившихся в поле зрения самого Петра I. Как показали дальнейшие события, русские министры остались холодны к намекам Кампредона относительно «награждения» их услуг, и никаких уступок в условиях мира ему не удалось добиться этим путем. Однако в Швеции также полагали, что подкуп поможет успеху миссии Кампредона. В результате мнение Хорна было одобрено, Кампредона решено послать в Россию и для него составлена Арвидом Хорном по поручению Совета инструкция от шведского правительства³².

Кампредон должен был попытаться заключить перемирие сроком на 18 месяцев (до лета 1722 г.) или прелиминарный договор на условиях уступки Швеции Кексгольма, Ингрии и Нарвы. Если бы это предложение не было принято русским правительством, Кампредону следовало сделать русским министрам неопределенные намеки (однако не от имени шведского правительства) на возможность еще больших уступок, если царь согласится вести переговоры при посредничестве Франции. В том случае, если бы с русской стороны отклонили и это предложение, Кампредон должен был попытаться поддерживать у русского правительства склонность к мирным переговорам до того, как в Швеции успеют получить донесения Кампредона о положении дел.

Самая же главная цель миссии Кампредона состояла, по словам Мальмстрёма, в том, чтобы тем или иным путем предотвратить возникновение союза, который, по сведениям шведского правительства, создавался в это время против Швеции. Дело шло, как уже говорилось, об угрозе союза России, Австрии и, возможно, Пруссии и Польши в интересах герцога голштинского. На опасность такого союза шведскому правительству неоднократно указывала в 1720 г. английская дипломатия. Если бы в ходе переговоров с русской стороны были выдвинуты новые предложения относительно престолонаследия в Швеции (т. е. предложения в пользу герцога голштинского), то Кампредон должен был их решительно отклонить, как противоречащие установленной в Швеции форме правления³³.

Кампредон осведомился — может ли он в качестве окончательного условия предложить уступку Ревеля, однако получил отказ. Таким образом, он мог давать лишь неопределенные обещания, которые не связывали бы шведское правительство, оставлявшее за собой право, смотря по обстоятельствам, либо принять, либо отклонить их.

Кампредон заверял членов шведского Государственного Совета, что он будет действовать в интересах Швеции, и, чтобы убедить их в этом, показал инструкции своего правительства, предлагавшие ему поступать так, как это будет выгодно для Швеции. И в самом деле, в письме Дюбуа — Кампредону от 6 января 1721 г. говорилось, что он должен действовать в соответствии с тем, что король шведский сочтет наиболее отвечающим его интересам³⁴. Подобное приказание было дано Кампредону Дюбуа вторично в письме 13 января 1721 г.

³⁰ С. Malmström. Указ соч., стр. 160.

³¹ Recueil des instructions..., т. I, стр. 216—217.

³² Эта инструкция Кампредону изложена в его донесении Дюбуа 25 января 1721 г. (Recueil des instructions..., т. I, стр. 226; см. так же С. Malmström. Указ соч., стр. 160—161).

³³ С. Malmström. Указ. соч., стр. 160, 161.

³⁴ Recueil des instructions..., т. I, стр. 213.

В соответствии с разработанной Хорном инструкцией Кампредон получил два полномочия — одно на заключение мира, другое — на случай заключения перемирия³⁵. Отправившись в конце января 1721 г. из Швеции, Кампредон прибыл в Петербург 8 февраля 1721 г., а 12 февраля он был уже на аудиенции у Петра I и вручил ему грамоту короля французского, в которой говорилось, что Кампредон направляется в Россию, чтобы помочь окончанию Северной войны, а также грамоту регента. Кампредон сообщил, что имеет указ, осведомясь о шведских условиях мира, ехать в Россию, чтобы склонить русское правительство к принятию французского посредничества³⁶.

Французскому представителю, явившемуся в качестве незваного и нежелательного в этот момент посредника, был оказан довольно холодный прием. Его заставили целый час прождать в канцелярии прибытия царя. После приветственной речи Кампредона и вручения им верительных грамот Петр ограничился тем, что приказал передать ему, что знает о цели его миссии и что услуги, предложенные французским королем, а также особа Кампредона ему приятны и он прикажет своим министрам его выслушать. Самому Кампредону Петр не сказал ни слова, хотя и знал, что тот понимает немецкий и голландский языки, на которых Петр свободно объяснялся. Кампредон с большим недовольством отметил это в своем донесении Дюбуа. Кампредон жаловался также, что ему не оказывают в России тех почестей, на которые он рассчитывал³⁷.

Еще до начала официальных переговоров Кампредон встречался с П. Толстым, Румянцевым, Остерманом, Меншиковым и прусским посланником Мардефельдом. В беседах с каждым из них он пытался выяснить, возможны ли уступки в русских требованиях к Швеции. Много говорил он о необходимости умеренности в интересах заключения прочного мира, пытался доказать «неудобства и шаткость» договоров, в которых интересы одной из сторон сильно страдают, и, явно пытаясь «манить» перспективой союза с Францией, говорил, что мир будет для царя еще более славным, чем война, ибо он «даст ему возможность закончить свои учреждения и заключить союзы, которые он, может быть, имеет в виду»³⁸.

В беседе с Толстым и Остерманом, когда зашла речь об условиях мира, Кампредон, как бы от себя, сообщил им, что, по его мнению, регент мог бы убедить Швецию уступить России Кексгольм, Петербург, Ингрию и Нарву. Однако в ответ на это предложение Толстой и Остерман приняли, по словам Кампредона, «хотать во все горло», спрашивая его, серьезно ли он говорит. «Вероятно,— заявил Кампредону Остерман,— господа шведы ждут значительной помощи от своих союзников. Однако нам очень хорошо известно, что их положение гораздо хуже, чем было в то время, когда они на Аландском конгрессе предлагали нам совсем другое. Наше же положение значительно улучшилось. Мы надеялись, что потери сделают, наконец, шведов умнее»³⁹. «... Между нами и Швецией не может быть мира, иначе как поставив море границей между обоими»,— заявили Толстой и Остерман⁴⁰.

Примерно в тех же выражениях сообщил Кампредону свое мнение об условиях мира с Швецией и Меншиков, заявив, что границей между Россией и Швецией должно быть море, что царь не уступит Ливонию и Эстонию, а также «не желает из собственного окна видеть земли соседа». «Мы уверены в Польше, в императоре и в Пруссии,— сказал Меншиков.— Английский флот не придет, так как парламент решительно отказал в кредите на эти расходы и тем обрек адмирала Норриса на бездействие. У нас 115 000 хорошего войска, и я не сомневаюсь, что вы имеете сведения об остальных наших силах. На все это можно положиться, и дело шведов — решиться на что-нибудь, прежде чем им придется почувствовать ближайшие следствия будущей кампании»⁴¹.

Таким образом, уже в ходе этого предварительного зондажа Кампредон смог убедить, что заключение мира на условиях, которые он привез из Швеции,— дело несбыточное. Вместе с тем он собрал достаточную информацию о силах России, о ее внут-

³⁵ Recueil des instructions..., т. I, стр. 226.

³⁶ АВПР. Сношения России с Францией, 1721, д. 15, лл. 7—8; там же, д. 3, л. 5.

³⁷ «Сб. РИО», т. 40, стр. 201, 213.

³⁸ Там же, стр. 202—203.

³⁹ Там же, стр. 206.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 208.

реннем положении и мог сравнить все это с тем, что он узнал за время своего пребывания в Стокгольме о положении и силах Швеции. В результате этих наблюдений и сравнений он пришел к выводам, которые еще до начала официальных переговоров с русскими министрами счел необходимым сообщить своему правительству «...Я могу вас положительно уверить,— писал он Дюбуа ⁴²,— что дела Царя находятся в слишком хорошем положении, чтобы можно было надеяться, будто желание мира побудит его заключить оный на условиях, подходящих для шведской державы». Ярко описав далее действительные военные силы России и ее приготовления к предстоящей кампании, Кампредон заключает: «...В войне ли, или в мире, но если этот государь проживет еще лет десять, его могущество сделается опасным даже для самых отдаленных держав. Хотя я мало времени пробыл здесь, но достаточно могу судить, что он осторожно поступает с ними единственно ради своих интересов и чтоб добиться своей цели, и как бы он ни принимал иностранцев — в дружеских ли сношениях, по делам ли торговли, но они никогда не добьются от него никаких выгод иначе, как если Царь убедится, что они нужны ему» ⁴³. Кампредон ясно видел печальную судьбу Швеции, если только она не согласится на мир. Прусский посланник Мардефельд утвердил его в уверенности, что нет никаких средств и сил, при помощи которых Швеция могла бы «обезопасить себя от предприятий, которые Царь поведет против нее в будущую кампанию с целью так или иначе добиться мира» ⁴⁴.

Кампредон пришел к выводу, что ему следует попытаться добиться некоторого смягчения русских требований, а затем «для спасения Швеции» ехать туда и сообщить шведскому правительству все, что ему удалось узнать, «дабы, приняв на основании этого нужные меры для избежания конечной гибели их государства и для предотвращения опасных планов, которые Царь приведет в исполнение под предлогом удовлетворения герцога голштинского, я мог с милостивого разрешения Е. К. В. устроить, если возможно, предварительный договор» ⁴⁵.

Кампредон писал Дюбуа, что «шведы имеют самое ложное понятие о состоянии дел Царя». Он считал в связи с этим своим долгом, исходя из сочувствия к Швеции, раскрыть шведскому правительству глаза на истинное положение вещей, на могущество России и опасности, угрожающие Швеции.

21 февраля состоялась конференция Кампредона с русскими министрами. Кампредон заверил, что он, в соответствии с указаниями своего короля и регента, будет соблюдать беспристрастие по отношению к России и что французское правительство направило в Россию именно его, Кампредона, поскольку он долгое время был в Швеции и хорошо знает положение дел там. Тут же Кампредон сообщил, что регент «предает в его царского величества соизволение» решить, как он предпочитает вести переговоры о мире — через посредничество Франции или непосредственно с Швецией ⁴⁶.

Русские министры проявили гибкость и осторожность в переговорах с Кампредоном. Разумеется, русское правительство предпочитало прямые переговоры с Швецией, и посредничество Франции было нежелательно тем более, что уже была достигнута полная договоренность с шведским правительством о созыве в Ништадте конгресса без участия третьих стран. Однако несмотря на это, русские министры ответили Кампредону, что Петр I доволен его приездом и им лично и что царь принял «добрые официи» (т. е. добрые услуги) регента на «кондициях», изложенных в грамоте к регенту. Они при этом спросили Кампредона, знает ли он об условиях, на которых царь принял посредничество регента, и на них ли теперь регент предлагает свою «медиацию» (посредничество).

Таким образом, русские министры сразу ввели переговоры в нужное русло. Не от-

⁴² В «Сб. РИО» (т. 40, стр. 200—215) это донесение явно ошибочно датировано 22 марта 1721 г. По-видимому, здесь имеет место описка Кампредона, и донесение относится к более раннему времени, по всей вероятности, к 22 февраля по старому стилю, так как в нем говорится о первом визите Кампредона к Головкину и Шафирову и вручении им копий с верительных грамот, причем указывается, что это было «11 числа этого месяца». По русским архивным документам, это было 11 февраля (АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 7—8).

⁴³ «Сб. РИО», т. 40, стр. 208—210.

⁴⁴ Там же, стр. 211.

⁴⁵ Там же, стр. 214.

⁴⁶ АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 31.

казываясь от посредничества Франции, они напомнили, что оно может быть принято лишь на условиях, изложенных в грамоте Петра от 29 мая 1720 г. (Эти условия предусматривали сохранение за Россией ее завоеваний, за исключением Финляндии и части Карелии.)

Кампредон ответил, что знает об этих условиях и что регент будто бы пытался склонить шведского короля и представителей сословий Швеции к миру на их основе, «но они к тому склонности не явили, объявляя, что им всего того уступить невозможно». Затем Кампредон косвенно выразил точку зрения самого французского правительства на эти русские условия мира, заявив: «рассуждается, что ежели то королевство таким уступлением будет ослаблено, то не будет в состоянии другим своим союзникам полезно быть»⁴⁷. Кампредон заявил далее, что шведы готовы уступить Ингрию, Карелию и город Нарву, но поскольку он видит, что Россия понесла большие расходы в этой войне и нуждается в «добром основании» для своего флота на Балтийском море, то полагает, что шведы уступят и город Ревель, но это он говорит от себя, без ведома шведов»⁴⁸.

В ответ Кампредону было вновь указано, что русские условия мира давно известны, и регенту сообщено, что ничего из этих условий не будет уступлено.

Кампредон продолжал говорить о Ревеле, как о последней возможной уступке со стороны шведов. Он заявил, что если русские условия являются ультиматумом, «то де уже в том и медиации быть невозможно, но мочно принять то яко предписанное», так как медиация предназначена, чтобы изыскивать способы к уступкам с обеих сторон и к сближению их позиций. Кампредон сослался при этом, что на Аландском конгрессе русские уполномоченные говорили об эквиваленте и «награждении» за Лифляндию. Регент, по словам Кампредона, ожидал, что русское правительство сделает какую-либо уступку в объявленных им условиях мира.

Русские министры в ответ на это заявили, что Швеции и так уступается целое великое княжество Финляндское, а больше уступок не будет, так как Россия пребывает «в прежнем благополучии. А шведам надежды иметь кажетца не на что. И пред прежним их состояние не лутче стало. А они уже давно сами уступали многое перед тем, нежели ныне чрез него приказано». В ответ на слова Кампредона об «ультиматуме» ему заявили, что эти окончательные условия объявляются с русской стороны, так как «во многих предложениях и запросах времени даром терять не хотят», учитывая, что переговоры, как ему известно, начинаются не в первый раз, а «о том не один год трактовано». Затем русские министры, ссылаясь на фактическое положение вещей, остроумно заметили, что шведы «жалеют только часть бумаги потерять», в то время как царь владеет всеми этими провинциями. Что же касается шведских предложений, с которыми приехал Кампредон, то ему было указано, что Ингрия и Карелия — это не уступка шведов, ибо все это — прежние русские провинции⁴⁹.

Кампредон вновь просил объявить ему «последнее намерение», т. е. окончательные русские условия, заявив, что намерен послать их во Францию, а сам отправится в Швецию, чтобы сообщить эти условия шведам. Кампредон заявил при этом, что он «трудитца будет» склонять шведов к миру с Россией, «представляя им невозможности к отобранию силою оружия тех провинций»⁵⁰.

Далее Кампредон заявил, что он хочет ехать в Швецию еще и потому, «что они (шведы.— Л. Н.) ему лучше поверят» и дадут ему другие реальные полномочия⁵¹.

Таким образом, у Кампредона сложилось твердое убеждение, что шведам нет надежды возвратить свои провинции, и он уже не находил нужным скрывать это убеждение от русских министров. Признавал он и то, что шведы не имеют верного представления о силах России⁵². Это было весьма важно, ибо давало русскому правительству уверенность, что шведы теперь безусловно должны будут пойти на мир и что Франция

⁴⁷ АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 31.

⁴⁸ Там же, л. 32. Как мы уже видели, шведы не уполномочивали Кампредона говорить об уступке Ревеля и данное предложение он действительно делал только от себя.

⁴⁹ АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 33.

⁵⁰ Там же, л. 34.

⁵¹ Там же.

⁵² Вместе с тем в своем донесении Дюбуа Кампредон не упомянул об этих признаниях, которые он сделал русским министрам. «Сб. РИО», т. 40, стр. 170—175.

и ее посланник в Стокгольме будут действовать в пользу заключения мира между Россией и Швецией на условиях, близких к русским.

В тот же день, когда была конференция с Кампредоном, протокол ее был дсложен Петру I. Царь приказал дать Кампредону ответ, что с русской стороны условия мира объявлены в грамоте регенту и на основе этих условий Россия принимает посредничество Франции. И так как по настоянию шведов назначен съезд уполномоченных в Ништадте, то, может быть, шведы там и объявят о своем последнем намерении относительно условий мира. Это был недвусмысленный намек на то, что русское правительство предпочитает прямые переговоры с Швецией французскому посредничеству. Что касается Кампредона, то он также может потребовать от шведов их последние условия и сообщить о них в Россию, чтобы царь знал о них, «ибо е. ц. в-ву, не ведая об их кондициях, нечего иного объявить, как уже довольно себя объявил, и более того уступать не имеет никакой причины»⁵³.

28 февраля 1721 г. Кампредон по его просьбе был на партикулярной аудиенции у Петра I⁵⁴. На аудиенции присутствовали Толстой и Шафиров. Последний сказал Кампредону, что если он имеет предложить что-либо, кроме того, что он уже говорил русским министрам, то царь уделит его предложениям должное внимание. В такой вежливой форме Шафиров дал понять, что Кампредону не следует терять время на повторение прежних предложений.

Кампредон заявил, что регент и король приказали ему ехать в Россию, взяв подлинное известие об условиях, на которых шведский король и сенат намерены заключить мир с Россией. Ему приказано, приехав в Петербург, стараться склонить царя к миру с Швецией через посредничество французского короля, «дабы потом он, король, мог пользоватца ближайшими сообязательствами со обоими коронами»⁵⁵. Шведское правительство, сообщил Кампредон, поручило ему предложить заключение мира на условиях уступки России в вечное владение Петербурга, Нарвы и Кексгольма с частью Карелии, что он и предложил в конференции с русскими министрами. Видя, однако, «несходство в приятии тех кондиций, может обнадежить его ц. в-о, что с шведской стороны и на уступлении Ревеля позволят». На этих условиях, заявил Кампредон, он имеет полномочие от шведского короля заключить соглашение о перемирии на 18 месяцев или прелиминарный договор⁵⁶. «Но видя в том несходство по ответам, ему учиненным, и по состоянию и обстоятельствам здешних дел, о том не рассудил за благо и предлагать». В связи с этим Кампредон просил, чтобы царь объявил ему, как министру нейтрального государя, посредничество которого он принял, свои окончательные условия мира с тем, чтобы он мог донести о них регенту, а сам, возвратившись как можно быстрее в Швецию, мог бы сообщить эти условия шведскому королю и сенату и склонять их к миру, так как он считает, что без личного своего участия, через переписку, он ничего не добьется, «ибо король и сенат и народ шведикой имеют к нему по его прежним правам к себе поступкам конфиденцию. А о здешних делах и о силе подлинно неизвестны»⁵⁷. Кампредон заявил, что, приехав в Швецию

⁵³ АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 40.

⁵⁴ По русским архивным документам, аудиенция была 28 февраля (11 марта н. с.). По донесениям Кампредона, опубликованным в «Сб. РИО» (т. 40, стр. 176), — 14 марта.

⁵⁵ АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 48.

⁵⁶ «Сб. РИО», т. 40, стр. 176; АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, лл. 48—49.

⁵⁷ АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 49. В своем донесении Дюбуа об этой беседе с царем Кампредон несколько иначе излагает содержание своих выступлений. Так, он уверяет, будто заявлял, что Швеция по своим силам и своему положению еще в состоянии защищать себя; что противник, который сражается в собственной стране, всегда имеет большие преимущества; что могут встретиться вредные для интересов царя неприятности и неожиданности; что значительной неприятностью является уже замедление в установлении дружественных связей, в которые хочет вступить Россия с Францией и другими государствами. Швеция-де должна явиться скрепляющим звеном этих связей, а она не может принести никакой пользы своим союзникам, если лишится тех провинций, уступки которых добывается Россия, и т. д. («Сб. РИО», т. 40, стр. 177). Не упоминается в донесении Кампредона и о том, что он сообщил русским министрам об отсутствии в Швеции правильной информации о силах России (АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 49). Совершенно очевидно, что тем, кто вел запись беседы с Кампредоном в русской Коллегии иностранных дел, не было никакой нужды исказить ее содержание. Остается предположить, что Кампредон умышленно приукрашивал свои донесения.

с русскими условиями мира, он будет стараться склонить шведов к заключению мира. Если это удастся ему, то он вернется в Россию, Если нет — он обещал немедленно известить об этом Петра I письменно, «дабы его величество по тому поступки свои воспринять мог».

Одновременно Кампредон заявил царю от имени короля и регента, «что то предается в волю его ц. в-а — изволит ли через медиацию французскую о том мире трактовать или с Швециею прямо без медиации негоцировать, что королю его не противно будет. Но каким бы нибудь образом только желает, дабы мир мог учинен быть»⁵⁸.

Итак, в беседе с Петром I Кампредон уже не решился предлагать мир даже на условиях перехода к России Ревеля, что уже выходило за пределы уступок, на которые он мог идти. В сущности это означало полнейший провал его миссии, ибо задача Кампредона в том и состояла, чтобы заключить с Россией перемирие или прелиминарный договор на условиях, одобренных шведским правительством, т. е. с сохранением Ревеля за Швецией. Убедившись лично в положении дел, Кампредон и спешил возвратиться в Швецию, чтобы попытаться внушить шведскому правительству мысль о необходимости скорейшего заключения мира с Россией ценой дополнительных уступок и тем самым спасти Швецию от угрожающей опасности.

Ответ Петра I на это заявление Кампредона сводился к тому, что он согласился принять посредничество Франции лишь на известных условиях, объявленных регенту. Петр заявил, что «без уступления тех провинций и мест, о которых его высочеству регенту сообщил, того учинить (т. е. заключить мир.— *Л. Н.*) ради безопасности и интересу своего не может». Одновременно царь сказал, что не имеет возражений против того, чтобы Кампредон поехал в Швецию, а также сообщил в Париж о содержании своих переговоров в России⁵⁹.

После этого Кампредон, напомнив, что Петр I и через своих министров обещал шведам некоторое «награждение», обратился к нему с просьбой, «не изволит ли при таких предложениях Швеции обещать взаимно некоторое награждение для утешения их, и дабы тем их лутче к таким нелехким кондициям склонить».

Кроме того, Кампредон поставил еще один важный вопрос — чтобы царь никому не переуступал те провинции, на которые он претендует, «ибо Швеция лутче склонитца оные его царскому величеству, нежели кому другому уступить»⁶⁰. Ставя этот второй вопрос, Кампредон и шведское правительство, от чьего имени он действовал, имели в виду герцога голштинского, пребывание которого в России и переговоры с ним русского правительства чрезвычайно беспокоили шведские правящие круги. Кампредон в своем донесении прямо писал: «Главнейший пункт моей инструкции предписывает мне убедить царя отказаться от приписываемого ему намерения передать Эстонию и Ливонию герцогу голштинскому с тем, чтобы выдать за него замуж свою старшую дочь и принудить Швецию провозгласить его наследником престола»⁶¹.

Следует заметить, что планы такой передачи Лифляндии и Эстляндии герцогу голштинскому действительно существовали. Разрабатывались они еще в 1720 г. голштинской дипломатией с расчетом привлечь на сторону герцога симпатии шведского дворянства перспективой разрешения вопроса о прибалтийских провинциях и помочь ему получить шведскую корону. Именно это и пугало шведские правящие круги и, в первую очередь, короля. Не случайно, что третьестепенный вопрос, не имевший практического значения, с точки зрения национальных интересов Швеции — оставит ли Россия за собой эти провинции, или передаст их кому-либо другому — в шведской инструкции Кампредону являлся г л а в н е й ш и м. По голштинскому проекту предполагалось, что Россия уступит Эстляндию и Лифляндию в полное и наследственное владение герцогу, и в случае, если это поможет ему стать шведским королем, обе провинции опять перейдут к Швеции. Ясно, что такой план отнюдь не отвечал интересам России.

Для русского правительства оба эти последние предложения Кампредона были приемлемыми. По первому из них — о «награждении» — царь ответил, что он и теперь

⁵⁸ АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 49.

⁵⁹ Там же, л. 50.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ «Сб. РИО», т. 40, стр. 179.

не откажется шведам «некоторое удовольствие показать», если только они в соответствии с русскими требованиями уступят России все провинции, на которые она претендует. Но не зная, что именно шведы намерены потребовать себе «в удовольствие», он не может высказаться по этому вопросу более определенно и полагает, что о подробностях этого дела следует толковать в ходе переговоров. Однако, вновь подчеркнул он, предварительно нужно решить главное — а именно, что «требованные от его ц. в-а провинции и места имеют его в-у от короны шведской в вечное владение уступлены быть»⁶². Второе предложение Кампредона, чтобы уступленные Швецией провинции остались за Россией, прямо отвечало видам русского правительства. Но если шведы и Кампредон, когда они ставили это условие, имели в виду герцога голштинского, то с русской стороны оно могло быть использовано и против притязаний польских правящих кругов на передачу им Риги и Лифляндии. В связи с этим Петр заявил, что «те провинции за собою удержит. А никому другому уступить не изволит»⁶³. Улыбаясь, он сказал при этом, что «господь наказал бы его, если бы он из желания сделать удовольствие другому, отделил от своей империи плоды стольких трудов, крови и денег».

Вместе с тем Петр решил высказать предупреждение шведам, которое проливает яркий свет на планы, имевшиеся у русского правительства в связи с переговорами с Голштинией и с приглашением герцога голштинского в Россию. По словам Кампредона, Петр заявил: «Если Швеция... примет единственное разумное решение, какое еще остается ей, согласившись на мир, от которого она уже десять лет отказывается, то он, царь, уверяет меня положительно, что не станет вмешиваться в ее внутренние дела. Но если, напротив, эта держава станет упорствовать в желании продолжать войну, которой она не в состоянии больше вести, никто не может обвинять его, если он воспользуется всеми имеющимися у него под рукой средствами, чтобы вредить ей и пошатнуть ее в совершенную невозможность нарушить мир, который он, со своей стороны, станет свято соблюдать»⁶⁴. Это было откровенное предупреждение Швеции, что в случае новых затяжек и проволочек с ее стороны в заключении мира, против нее, наряду с другими средствами, будет использован также и герцог голштинский. Последнее заставило Кампредона несколько иначе поставить вопрос о герцоге голштинском и относительно обязательства с русской стороны не оказывать ему поддержки. Кампредон выразил от имени шведского правительства надежду, что если мир будет заключен, «то уповают они, что его в-о сверх своих кондиций не изволят мешатца в их внутренние дела и не приключит им в том никакого беспокойства»⁶⁵. Петр ответил, что он не имеет намерения вмешиваться во внутренние дела Швеции после заключения мира, но предложил, чтобы для окончательного «изъяснения» шведы поставили этот вопрос при переговорах⁶⁶.

Все это вновь и вновь показывает, какие серьезные опасения существовали в Швеции в связи с переговорами, которые велись русским правительством с герцогом голштинским, и каким удачным орудием для давления на шведские правящие круги явилось приглашение герцога в Россию.

Через некоторое время после беседы с Петром I Кампредон встречался с Толстым, Головкиным, Шафировым. Во время этих бесед русские министры, каждый в отдельности, заверяли Кампредона, что русские условия мира являются окончательными и уступок от них не будет, но что если Швеция не воспользуется теперешней возможностью и будет и дальше затягивать установление мира, то ей придется впоследствии согласиться на более суровые условия. В частности, Толстой заявил, что в результате следующей кампании Швеция лишится возможности возвратить Финляндию, не говоря уже о новом опустошении страны из-за продолжения военных действий. В этом же смысле высказались Головкин и Шафиров⁶⁷.

Кампредон проникся особым доверием к П. А. Толстому, которого он считал одним из наиболее влиятельных сотрудников Петра. К нему он поехал еще раз за день до

⁶² АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 50.

⁶³ Там же.

⁶⁴ «Сб. РИО», т. 40, стр. 179—180.

⁶⁵ АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 51.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ «Сб. РИО», т. 40, стр. 188, 193, 195.

своего отъезда и до отпускной аудиенции. Толстой сообщил ему, что царь только из уважения, которое он испытывает к королю и регенту Франции, соглашается заплатить шведам значительную сумму за уступленные территории и что только об этом Кампредону и придется вести переговоры, ибо от остальных условий царь не отступит. Однако, добавил Толстой, эти условия потеряют силу, «если шведы введут его в расходы на военные приготовления». Затем Толстой заверил Кампредона, что после заключения мира царь не будет вмешиваться во внутренние дела Швеции и явится полезным другом как Швеции, так и Франции, и что «мир сразу устранил все, касающееся герцога голштинского».

Явно желая побудить Кампредона активнее действовать в пользу заключения мира между Россией и Швецией, Толстой говорил далее, что царь будет соблюдать этот мир, ибо завоевание Швеции было бы не в его интересах. Напротив, он будет поддерживать это государство, которое должно стать «соединительным звеном между Москвией и Францией». Толстой просил передать французскому правительству, что французам будут предоставлены «даже предпочтительно перед другими нациями все торговые выгоды, каких только они могут разумным образом пожелать», и поручился за это как глава Коммерц-коллегии. Таким образом, русское правительство стремилось использовать в интересах скорейшего заключения мира с Швецией также и заинтересованность Франции в выгодах от торговли с Россией⁶⁸.

11 (22) марта 1721 г. в день своего отъезда из Петербурга Кампредон был на отпускной — прощальной — аудиенции у Петра I, где присутствовали Головкин, Шафиров и П. Толстой. Желая избежать участия переводчика, Кампредон обратился к Петру на голландском языке. Он сказал, что уезжает в Швецию и употребит там все свои усилия, чтобы привести дело к скорейшему примирению между Россией и Швецией. Заметив, что его задача была бы менее трудной, если бы условия мира с русской стороны были бы более мягкими, он заявил, что не осмеливается, однако, вновь поднимать этот вопрос, поскольку царь уже высказал свое последнее решение. Кампредон вторично обещал, что если он не сможет убедить шведов принять русские условия мира, то он немедленно письмом известит царя о том, что решат в Стокгольме.

Петр ответил Кампредону, что высказывает ему свои окончательные намерения относительно мира с Швецией, вручает ему свои ответы на письма короля и регента и что по возвращении Кампредон найдет его в Ревеле или в Або⁶⁹. Затем, отозвав Кампредона на сторону, Петр заговорил с ним о голштинских делах. Он заметил, что, как видно из слов Кампредона, шведское правительство, а особенно сам король шведский, сомневается, не связан ли царь обязательством с герцогом голштинским в вопросе о наследовании в Швеции, и что, кроме того, король, очевидно, хотел бы упрочить наследование шведской короны в гессен-кассельском доме. В связи с этим Петр заявил, что «еще с оным герцогом доньше ни во что не вступил», и если шведский король заключит мир на условиях, предложенных с русской стороны, то царь «оставит его в протчем в покое»⁷⁰. Такова запись в русских документах. Однако Кампредон в своем донесении сообщает, что царь обещал нечто большее, заявив, что «если шведский король захочет быть ему таким же другом, каким он будет для него, то он поможет ему усилить свою власть и упрочить корону за гессен-кассельским домом. Но это секрет, который он доверяет мне одному, полагаясь на мою честность в том, что я воспользуюсь им для доброй цели»⁷¹. Естественно, что об этом обещании царя, данном Кампредону устно по архисекретному делу, записи в русских документах отсутствуют.

Однако как в русских документах, так и в донесении Кампредона имеется другое — запись того сурового предупреждения, которое Петр нашел необходимым еще раз сделать шведскому правительству. Кампредон очень бегло упоминает об этом предупреждении, сообщая, будто царь заявил лишь, что шведам «не надо терять времени» с заключением мира⁷². Но в русской записи аудиенции Кампредона 11 (22) марта 1721 г. об этом говорится подробнее. Петр, обещав Кампредону оставить в покое короля шведского, в случае, если он примет русские условия мира, заявил далее: «Но буде-

⁶⁸ «Сб. РИО», т. 40, стр. 221—224.

⁶⁹ Там же, стр. 226—227.

⁷⁰ АВГР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 80.

⁷¹ «Сб. РИО», т. 40, стр. 227—228.

⁷² Там же, стр. 227.

станет медлить и проволочить сие дело, то его царское в-во принужден будет свои меры взять, как его интерес того требует, и чтоб тогда уже король на него не полагал жалобы». Кампредон, согласно этой русской записи, благодарил царя за откровенное заявление, сказав, что сообщит о нем шведскому королю «и другим, которые гессен-кассельскому дому склонны»⁷³.

Таким образом, русское правительство очень четко дало понять Кампредону и шведским правящим кругам, что в случае новых «проволочек» с шведской стороны с заключением мира оно решительно поддержит притязания герцога голштинского на шведскую корону. Это был удачный ход русской дипломатии, заставлявший шведские правящие круги, близкие к королевскому двору, торопиться с заключением мира. Кроме того, весьма реальная в данных условиях перспектива установления с русской помощью власти герцога голштинского в Швеции отнюдь не улыбалась правительствам Англии, Франции и Дании, ибо это означало бы серьезнейшие осложнения внутри Швеции, окончательное ее ослабление в результате внутренней борьбы, установление в Швеции преобладающего влияния России и возрождение притязаний Швеции на земли в Германии, а также на Шлезвиг, уступленный Дании.

Неустойчивое внутреннее положение во Франции и Англии, еще не изжитые последствия финансовых потрясений заставляли правительства этих стран стремиться устранить возможность новых внешнеполитических осложнений и избавиться от обязательств оказывать помощь Швеции в ее бесперспективной борьбе с Россией. Все это делало их весьма чуткими к заявлениям русского правительства, что оно поддержит герцога голштинского в случае новых задержек с заключением мира. Вместе с тем все это заставляло правительства Франции и Англии еще активнее и настойчивее рекомендовать шведскому правительству заключить мир с Россией.

Во время отпусковой аудиенции Кампредона русские министры, после ухода Петра I, напомнили французскому посланнику, что по Амстердамскому договору с Россией правительство Франции обязалось не выдавать субсидий Швеции, а регент устно заверил в этом Петра I. Теперь же стало известно, что Франция вновь в нарушение своих обязательств предоставляет субсидии Швеции. Кампредон в ответ заявил, будто французское правительство твердо соблюдает свои обязательства, придерживаясь строжайшего нейтралитета. Франция, по его словам, не дает субсидий Швеции и выплатила ей лишь остаток суммы, недоплаченной по прежнему договору 1715 г. Однако все же Кампредон обещал сообщить в Париж об этой русской претензии⁷⁴.

После отпусковой аудиенции в тот же день, 11(22) марта 1721 г., Кампредон покинул Петербург и направился в Швецию. По пути он проехал по всему балтийскому побережью, отвоеванному русскими войсками у шведов. Вначале он направился в Ревель, затем в Ригу, а оттуда в Пиллау на территории Пруссии. Наблюдения, сделанные им в дороге, и собранная информация лишней раз убедили его в том, что Швеции, во избежание худшего, непременно следует принять условия, на которых настаивает русское правительство⁷⁵.

В донесениях из Пиллау 9 и 14 апреля 1721 г. Кампредон писал Дюбуа, что «дела находятся теперь в состоянии кризиса, который или спасет, или погубит Швецию».

Одновременно Кампредон указывал, что союз с Петром I может принести Франции большие выгоды, в частности в ее борьбе с Австрией, что Россия приобретает все больший вес и значение, ибо за царем «все ухаживают и заискивают в нем, и сам он никогда не нарушал принятых на себя обязательств»⁷⁶.

* * *

Нет сомнений, что все выводы и наблюдения Кампредона имели значение при окончательном определении шведским правительством своей линии в вопросе о заключении мира с Россией, а также в определении позиций Франции к «северным делам» в 1721 г.

⁷³ АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 80.

⁷⁴ Там же; «Сб. РИО», т. 40, стр. 228.

⁷⁵ «Сб. РИО», т. 40, стр. 219—220.

⁷⁶ Там же, стр. 229—230.

Один из основных выводов Кампредона состоял в том, что, как он заверял свое правительство, «проект коалиции против царя безусловно невыполним, и ...деньги, употребленные с целью этой, были бы брошены на ветер»⁷⁷. Он говорил, что если бы даже удалось практически осуществить создание такой коалиции, «надеждой на которую... король английский опять обольщает Швецию», то, несмотря на это, даже и тогда попытка силой принудить Россию вернуть Швеции ее провинции встретила бы непреодолимые препятствия. Кампредон описывает трудности продвижения и действий армии, которую участники коалиции решились бы выставить против России, говорит о полной невозможности вести с надеждой на успех войну против России, отмечает, в частности, невозможность пробиться через Финляндию и высказывает свое убеждение, что Кронштадт и Ревель — неприступны с моря. «Швеции нет иного выхода, как уступить на время и оправиться от своих потерь впоследствии, когда обстоятельства будут тому благоприятствовать». Знаменательно признание Кампредоном того факта, что Швеция однажды упустила возможность заключения мира на более благоприятных условиях — на Аландском конгрессе, когда царь, по словам Кампредона, «боялся турок, не был уверен в Польше, опасался, как бы король великобританский не сблизился с прусским королем и с другими государями и не уговорил их объявить себя против Царя». «Теперь,— пишет Кампредон,— все эти опасения уничтожены, Швеция ослабела, а Царь стал еще могущественнее»⁷⁸.

Кампредон привел данные, показывающие размах подготовки России к новой кампании против Швеции⁷⁹. «Дела Царя находятся в самом цветущем состоянии» — эту характеристику он относит как к внутреннему, так и к внешнеполитическому положению России. Кампредон указывает, что Россия очень богата естественными ресурсами и в ней открывают все новые прииски, источники богатства. Он считает, что царь ведет войну очень дешевым способом, а финансовое положение России является блестящим. Характеризуя внешнеполитическое положение России, Кампредон отмечает заключение «Вечного мира» с Портой, улучшение отношений с Польшей, дружественные связи с Пруссией и императором и говорит о Петре I, что «все государи некоторым образом униженно заискивают его дружбу»⁸⁰. Кампредон очень высоко оценивает русские вооруженные силы, считая, что русская пехота лучшая, какую можно себе представить, русская армия многочисленна, границы России неприступны для нападения, а русский флот быстро пополняется новыми кораблями. Чрезвычайно важно было убеждение Кампредона, что продолжение войны грозит окончательной гибелью Швеции⁸¹.

Кампредон пришел к выводу, что Швеция все равно потеряет свои провинции и что для нее лучше получить от России известное вознаграждение за уступаемые области, чем лишиться их без какой-либо компенсации, продолжать войну и оказаться вынужденной принять короля в лице герцога голштинского, пользующегося поддержкой царя, что может привести к гибельным внутренним смутам⁸².

Все это, естественно, приводило Кампредона к основному и главному выводу — о необходимости для Швеции немедленно заключить мир с Россией⁸³. Он спешил как можно скорее попасть в Стокгольм, считая, что дело не терпит ни малейшего отлагательства и что ему необходимо сообщить шведскому королю верный и точный отчет о своей миссии⁸⁴.

Вместе с тем Кампредон все больше приходил к верной мысли о том, что союз с Россией нужен и выгоден Франции. Он высказывал теперь мысль, что Франции не следует медлить с заключением такого союза, чтобы не оттолкнуть царя и не заставить его обратиться к сближению с врагом Франции — Австрией. Указывая на ценность для Франции союза с Россией, Кампредон особо отмечал, что Петр I «никогда не нарушал принятых на себя обязательств»⁸⁵.

⁷⁷ «Сб. РИО», т. 40, стр. 195.

⁷⁸ Там же, стр. 184.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, стр. 182.

⁸¹ Там же, стр. 208—209, 214.

⁸² Там же, стр. 196.

⁸³ Там же, стр. 195.

⁸⁴ Там же, стр. 220.

⁸⁵ Там же, стр. 230.

Донесения Кампредона шведскому правительству должны были благоприятно сказаться на переговорах между Россией и Швецией. Из уст этого французского дипломата, который долгое время пробыл в Швеции и был к ней расположен, шведское правительство услышало тяжелую для него, но бесспорно верную оценку положения и твердый безоговорочный совет — спешить с заключением мира с Россией, чтобы не подвергать свою страну еще большим опасностям. Все эти предупреждения отнюдь не были продиктованы симпатией Кампредона и французского правительства к России в эти годы.

Относительно подлинной позиции французского правительства и его посланника Кампредона дает представление директивное письмо Дюбуа — Кампредону от 25 апреля 1721 г. Намекая на возможность в недалеком будущем смерти Петра I, Дюбуа писал: «Это позволило бы шведскому королю вернуть без сопротивления все завоевания царя». Далее в этом письме Дюбуа указывал Кампредону, что французское правительство очень расположено к Швеции и что все советы Кампредона должны клониться к выгоде шведского короля. Тут же он сообщал, что французское правительство очень старается послать денежную помощь королю шведскому и что он, Дюбуа, так хлопочет об этом, как будто дело идет о его жизни⁸⁶.

19(30) апреля 1721 г. Кампредон отправил из Стокгольма письмо на имя Петра I, в котором сообщал, что за два дня перед этим он прибыл в Стокгольм и донес шведскому королю о русских условиях мира. Шведское правительство, по словам Кампредона, нашло эти условия весьма суровыми, что отодвигает надежду на заключение мира, однако сенат и король все же занялись их обсуждением⁸⁷.

Вслед затем в письме в Россию от 3 мая (н. ст.) 1721 г. Кампредон писал, что обсуждение русских условий шведским правительством продолжалось несколько дней, но теперь уже закончилось и король направляет к шведским представителям в Ништадте своего курьера, через которого он дает им полномочие не только вести переговоры с русскими министрами, но и заключить и подписать прелиминарный договор, не ожидая дальнейших указов из Стокгольма. Далее Кампредон писал, что как иностранец он не решился требовать, чтобы ему сообщили полностью содержание инструкции короля Швеции к уполномоченным, но что он надеется на успешный исход переговоров⁸⁸.

В целом французское посредничество в 1721 г. потерпело неудачу. Основные цели миссии Кампредона не были достигнуты. Русские условия мира не были смягчены или изменены в пользу Швеции. Русские требования к Швеции остались теми же, что были заявлены на Аландском конгрессе. По всем вопросам, которые обсуждались Кампредоном с русскими министрами, пришлось позднее заново вести переговоры на Ништадтском конгрессе. Заключить перемирие или прелиминарный договор с Россией Кампредон не мог вследствие коренных расхождений между русскими и шведскими условиями мира.

Трезвую оценку результатов своей миссии дал несколько позднее сам Кампредон. В донесении 1 ноября 1721 г. он сообщает, что на другой день после его второго приезда в Петербург его посетил прусский посланник Мардефельд, льстиво распространявшийся насчет роли Кампредона в заключении Ништадтского мира. «Я отвечал ему, — пишет Кампредон, — что, как он знает не хуже моего, шведы и русские сами между собой сговорились обо всем»⁸⁹.

Вместе с тем миссия Кампредона имела и известное положительное значение как предварительный этап переговоров, зондаж, способствовавший прояснению обстановки, выяснению и уточнению позиций сторон. В частности, в результате этого зондажа шведы могли составить себе более точное представление о положении и силах своего противника и убедиться в невозможности добиться сколько-нибудь существенных уступок

⁸⁶ «Сб. РИО», т. 40, стр. 240. В сборнике французский текст письма переведен на русский язык неполностью. Слова, приведенные нами в кавычках, в сборнике остались без перевода.

⁸⁷ АВПР, Сношения России с Францией, 1721, д. 15, л. 87.

⁸⁸ Там же, л. 101. Как это следует из изложения Мальмстрема, Кампредон писал указанное письмо по просьбе шведского Государственного Совета, добивавшегося скорейшего открытия переговоров в Ништадте (С. M a l m s t r ö m. Указ. соч., стр. 170).

⁸⁹ «Сб. РИО», т. 40, стр. 281.

со стороны России. Полученная шведским правительством через Кампредона информация, а также настоятельные советы поспешить с заключением мира содействовали окончанию войны, что отвечало интересам России.

Заслуживают быть отмеченными зрелость и искусство русских дипломатов, сумевших использовать приезд Кампредона и переговоры с ним на пользу русским интересам.

Могущество России было в это время действительно очень велико, и продолжение войны являлось для Швеции бесперспективным. Однако русские дипломаты сумели создать у Кампредона такое представление о русской армии и флоте, о благосостоянии России, ее промышленности, финансов и т. д., которое значительно превосходило истинное положение вещей.

В целом от миссии Кампредона больше выиграла русская дипломатия, ибо в конечном итоге эта миссия была дополнительным толчком, побудившим шведское правительство не откладывать заключение мира. Вместе с тем шведское правительство вновь убедилось, что чье бы то ни было посредничество не может способствовать успеху переговоров и что лучший путь к миру — прямые переговоры с Россией. На этот путь окончательно встает шведское правительство после провала миссии Кампредона.

